

Алексей Петренко НЕ ФОКС, НО ФИРС

У актера Алексея Петренко на дачном огороде построена настоящая шевченковская хатка-мазанка с печкой, камышовой крышей, плетнем и глиняным полом – в память о том, что точно в таком доме, на куче соломы, накрытой простыней, его родила мать. Всю жизнь он бережет свои славянские – украинно-белорусско-русские – корни, чтит свое крестьянское происхождение, и с тяжеловатой, нутряной основательностью делает тихое дело сбережения исконной славянской натуры. В некоторое противоречие с его глубокими христианскими убеждениями входит то обстоятельство, что он лицедей, актер. И в истории, в людской памяти он останется прежде всего ролями: Григорием Распутиным, Петром Первым или, к примеру, незадачливым вором из уморительной короткометражки «Давыдов и Голиаф».

БАНАНЫ С ОГУРЦАМИ

«Малоземельные страны живут хорошо, как правило, потому что там землю тщательно обрабатывают, и она дает по максимуму. Богатые на землю Украина, Россия живут хуже. Огурцы у нас немецкие, чешские, болгарские, венгерские. Ведь мы можем огурцы вырастить и засыпать ими земной шар, а у нас огурцы дороже бананов». Примерно так Алексей Петренко понимает проблему национальной ответственности и самосознания славянской нации. Сам он, русский актер, родился на богатейшей Черниговщине, в украинском селе Чемер. Русский язык впервые услышал в шесть лет, до шестнадцати лет по-русски не говорил, работал пастухом, матросом, кузнецом-молотобойцем, а в Харьковский театральный институт поступил только с третьего раза – из-за диктантов и со-

чинений на русском. А спустя несколько десятилетий отказался играть Петра Первого в американском сериале, так как был уверен, что русского царя нельзя играть не по-русски.

Последние годы потихоньку, но со всей серьезностью изучает церковнославянский язык: «Придет человек в мир иной, попросят его там молитву прочесть, а он и не знает, как это сделать».

ВОПЛЬ О ШЕКСПИРЕ

Алексей Петренко напминает былинного богатыря: массивная фигура, увесистые кулаки, мощный бас, негромкая, скромная мудрость. Излагать свои мысли предпочитает чуть старомодно: «маненько», «вразумлять», «сподручнее», «смирный». Его актерская судьба сложилась немного странно: как будто бы не из свершений, а из несыгранного и не сделанного. Ар-

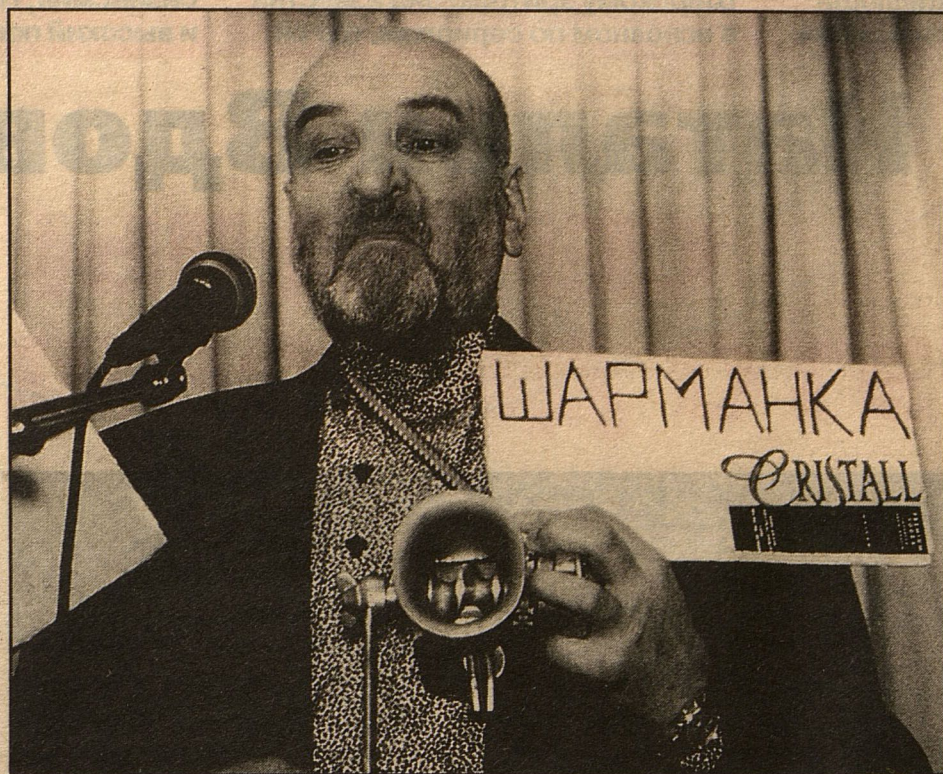

Фото Наталья Логинова

тист огромной душевной мощи, уникального стихийного темперамента и широкого диапазона – от буффонады до трагедии, своего, подлинного он сыграл не так много. И это при том, что его фильмография насчитывает больше полусотни киноработ. Фильм Элема Климова «Агония» с его великой ролью – Григория Распутина – десять лет пролежал на полке: от экранной фигуры юродивого старца веяло такой мистической силой, что цензура выпустила его в свет только с приходом перестройки. А ведь на съемках «Агонии» Петренко получил первый инфаркт – в 34 года. Второй настиг его в 60 на михалковском «Сибирском цирюльнике»: в сцене масленицы «на меня навешали килограммов сорок разного реквизита. Костюмеры не могли за один раз донести, а мне в этом наряде пришлось с цыганами вприсядку отплясывать...»

Петренко не сделал мно-

гое из того, что мог и хотел: мимо прошла роль в фильме «Несколько дней из жизни Обломова». Предлагали играть слугу Захара, а хотелось – самого Обломова, приревновал к Олегу Табакову. Еще в институте по собственной инициативе выучил роль Отелло – казалось, точно его роль, а так и не довелось. Шли репетиции пушкинского «Бориса Годунова» в Театре на Таганке, в то время как первый исполнитель Николай Губенко ушел в политику, – тоже не сложилось. Говорухин приглашал сниматься с Высоцким, играть бандита Фокса – был болен или не в духе, отказался.

Мощный трагический темперамент Петренко просто вопиет о Шекспире, о лучших трагедийных ролях мирового репертуара.

Петренко играл в легендарном «Серсо» режиссера Анатолия Васильева положившем начало театру «Школа драматического ис-

кусства» и мировой славе Васильева, пел и танцевал в развеселом водевиле «А чой-то ты во фраке?» в «Школе современной пьесы». Недавно после долгого перерыва вышел на театральную сцену в спектакле Эймунтаса Някрошюса: его величественная руина Фирс казался единственным и главным хранителем таинственного «Вишневого сада».

МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ ПОЕТ

Еще один самодержец, кроме Петра I и Сталина, был исполнен Петренко совсем в другом жанре. Алексей Васильевич всегда очень любил петь. Ни одно застолье ни обходилось без русских и украинских народных. Но лишь в 53 года он начал петь публично. И то по настоянию близких, которые сказали: «Почему мы одни должны слушать, как ты воешь, пой при людях». А потом случилось так, что ничего интересного ни в кино, ни в театре не было, а выступления давали кусок хлеба, заработок.

Из баловства, по словам актера, получилось увлечение. Дальше – больше. Директор Владимир Федосеев пригласил Петренко спеть вокально-симфонический цикл «Военные письма» Валерия Гаврилина. «Слава Богу, он меня сподвигнул на это дело, и я понял, как это интересно. Даже интереснее, чем кино и театр». А с ораторией Прокофьева «Иван Грозный» с Большим симфоническим оркестром Петренко объездил полмира, был в Вене, Цюрихе, Мюнхене, Москве, Минске. «Фантастически интересное дело – ошеломляющая, вулканическая музыка и слово, образ грозного царя... Потихонечку стал обучаться другой профессии!»

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ

Последнее время Петренко играет немного, больше размышляет, философствует, думает о божественном. Возможно, это его спасение, режиссер Элем Климов сказал про него однаж-

ды: «Он принадлежит к числу актеров, способных пропускать через себя высокую энергию. Опасную энергию». От этой страшной, неуправляемой энергии игры его, возможно, и бережет неведомая сила.

Еще одна ипостась актера открылась, когда стало ясно, что церковнославянский он учил не зря. К спокойствию своей души и к радости православных он снимается в фильмах о Серафиме Саровском, о протопопе Аввакуме, участвует в сериалах, посвященных истории православной церкви.

«ПРОСТИ, ТЕЗКА!»

Популярный артист Алексей Гуськов утверждает, что в его переходе с пятого курса мирного Бауманского института на тернистую актерскую стезю виноват в основном Алексей Петренко. Так радикально на него подействовали спектакли «Соло для часов с боем» со знаменитыми мхатовскими стариками и легендарное «Серсо» режиссера Анатолия Васильева с Петренко в главной роли. Много лет спустя Гуськов рассказал коллеге об этом и тот ответил: «Прости, тезка, что испортил тебе жизнь!»

КВАС И САМОГОН

Любовь к варке кваса одно время занимала в жизни Алексея Петренко огромное место. А после кваса страсть перекинулась на самогон. Несколько лет актер от души гнал самогонку исключительной чистоты и крепости. Достиг высот самогонотварения и подвел черту: лучше всего гнать самогон из изюма. Только, чтобы без косточек!

Про сало:

«Я готовлю сало так: четыре дня держу в насыщенном растворе соли комнатной температуры, а потом кладу в морозилку, чтобы не старело. Никаких специй не применяю».

Про водку:

«Надо знать время, место и дозу. Бывают в жизни ситуации, когда водка – первейшее лекарство. Рванул стакан, и отлегло от сердца. Никакие коньяки и виски так не помогут. Нет, лучше нашей беленькой ничего еще не придумали!»

Про сказки:

«Вот с русским сказками... Я ведь их долго читал как бы для себя только. Жена все спрашивала: «Чем ты занимаешься? Кому это надо?» Отвечал: «Вот составлюсь, буду ходить по детсадам, за харчи перед ребятами выступать».

Про Сталина и кошку:

Когда Петренко предложили сыграть Сталина, он сначала удивился, а потом сказал: «Обычно Сталина играют грузинские актеры. Но какой интерес, когда кошку играет кошка? Вот если собака сыграет кошку – это интересно!»

Мария ЛЬВОВА

Алексей Петренко и Владимир Федосеев с супругами.

Фото Наталья Логинова